

Две секунды спустя И Чжэ опустил голову.

Сюй Танчэнь открыл рот, желая что-то сказать, но увидел, как И Чжэ поднял руку и осушил свой стакан пива.

Он вдруг вспомнил, что давным-давно его сердце тоже когда-то болело из-за взгляда И Чжэ. Это тоже был зимний день; разница заключалась в том, что взгляд этих глаз в тот вечер заставил его захотеть составить компанию парню, и из-за этого он сказал, что хочет угостить его едой.

Как неудобно было сидеть на перекладине велосипеда, как прекрасен был лунный свет на улицах — все это он до сих пор живо помнил.

— Старший, что у тебя на уме? Ты собираешься домой? Ты пьешь?

— Хмм? — промычал Сюй Танчэнь, приходя в себя. — Я не пью. Я собираюсь домой позже.

— Тогда тебе следует поторопиться и поесть, — заботливо сказал Юй Ань со стороны. — Погода сегодня не очень хорошая. По прогнозу обещали может выпасть снег. Тебе следует уйти пораньше, если ты собираешься домой.

— Да, да, — согласился Лу Мин. — Старший, поторопитесь и ешьте.

Но Сюй Танчэнь был совсем не в настроении. После того, как И Чжэ опустил голову, он больше не поднимал ее. Даже когда кто-то говорил с ним, он только поворачивал голову, чтобы ответить. Он полностью избегал смотреть в сторону Сюй Танчэня.

Когда подали самое ожидаемое блюдо «Цыпленок на Большой Тарелке», кто-то попробовав его, сказал, что оно холодное. Некоторые обсуждали, стоит ли просить, чтобы его разогрели. Но сейчас в ресторане было слишком много посетителей. Лу Мин встал и пару раз позвал официанта, но никто не подошел к столу, поэтому младший сказал, что все в порядке, в любом случае блюдо не сильно остыло, поэтому его можно есть так.

Сюй Танчэнь тоже протянул руку со своими палочками для еды, желая взять кусочек, чтобы попробовать, но его остановил голос, внезапно прервавший дискуссию.

— Я думаю, мы должны заставить их разогреть блюдо. — И Чжэ спокойно посмотрел на людей за столом, его взгляд также скользнул мимо Сюй Танчэня. — Пойду позову кого-нибудь.

Сказав это, он встал, не обращая ни на кого внимания, и позвал официанта, чтобы тот убрал Цыпленка на Большой Тарелке.

Сюй Танчэнь сжал свои палочки для еды, чувствуя себя неловко, наблюдая, как И Чжэ снова садится и продолжает пить свое пиво, как будто ничего не произошло.

— И Чжэ.

Наконец он произнес его имя.

И Чжэ на некоторое время перестал двигаться, и, подняв голову, посмотрел на него.

— Не пей слишком много. Тебе придется сидеть в машине.

Молодой человек напротив него поджал губы и кивнул. Он поставил банку пива, которую держал в руках, обратно на стол.

Снова подали Цыпленка на Большой Тарелке. Он сочетался с одним из фирменных блюд ресторана: с супом с клецками и узелками. Официант ставил на стол тарелку за тарелкой супа и, взяв третью тарелку, сказал:

— В этой нет кориандра.

Сердце Сюй Танчэня бешено заколотилось.

Он посмотрел в сторону официанта, но услышал, как Лу Мин, сидевший рядом с ним, небрежно сказал:

— А, это мое.

Официант передал чашу Лу Мину. Сюй Танчэнь не знал, почему, но выдохнул с облегчением. Однако официант снова сказал:

— Есть еще одна миска без кориандра.

После короткого молчания за столом И Чжэ поднял руку.

— Сюда.

Услышав, как он благодарит официанта, Сюй Танчэнь почувствовал, что у него больше нет сил смотреть в ту сторону. Он подпер голову рукой и потыкал в тарелку кусочком картофеля, закусив губу. Когда разговор за столом снова стал оживленным, он, наконец, перевел взгляд на И Чжэ.

Тот почувствовал, что Сюй Танчэнь смотрит на него. Он встретился с ним взглядом.

Только они двое очень хорошо знали историю, стоящую за этой миской супа.

Делая заказ, И Чжэ не сказал, что это для Сюй Танчэня, потому что изначально думал, что если Сюй Танчэнь сядет рядом с ним, он может поменяться с ним местами, ничего не сказав. Но когда он взял миску с супом, то не осмелился отдать ее Сюй Танчэню, и теперь их разделял стол. Он ни за что не осмелился бы передать тарелку украдкой.

Сюй Танчэнь, наконец, больше не мог выносить атмосферу этой трапезы. Другие ничего не чувствовали, но он знал, что с того момента, как выбрал свое место, это было неправильно. Когда все почти покончили с едой, и разговор перешел к разговору, он сказал, что уйдет первым. Юй Ань несколько раз повторил свое согласие, и Сюй Танчэнь встал, окликнул И Чжэ и повел его к выходу.

Когда он вышел за дверь, то увидел, что идет легкий снег.

На обратном пути Сюй Танчэнь включил музыку, медленную и тягучую, но пространство казалось тесным, и музыка дала обратный эффект, заставляя молодого человека испытывать нехватку воздуха. Он хотел извиниться перед И Чжэ, и это чувство было настойчивым. Но как только он извинился, как только он назвал причину, это неизбежно вызвало бы вопрос, на который он боялся ответить.

По сравнению с ним И Чжэ казался спокойным. Он даже мягко напомнил Сюй Танчэню, что погодные условия были не очень хорошими для вождения, и чтобы он ехал медленнее.

Дома тоже шел снег, и снег, казалось, был еще сильнее, чем в Пекине. Сюй Танчэнь въехал во двор и увидел на земле свежие следы от протекторов. Снег плотно покрывал землю. Из-за многочисленных отпечатков шин земля выглядела в хаотичном беспорядке. Это было не так уж красиво.

Проезжая мимо входа в здание, он увидел, что на парковочной нет свободных мест. Поэтому Сюй Танчэнь остановил машину и велел И Чжэ слезть первым, пока он найдет свободное место.

— Я пойду с тобой. — отказался И Чжэ, не вылезая. Он сказал: — Здесь много машин. Останавливаться неудобно. Я помогу тебе высмотреть место.

— Не нужно, лучше зайди внутрь. — Сюй Танчэнь смягчил свой тон. Он хотел, чтобы эта ночь закончилась быстрее, и чтобы И Чжэ почувствовал себя немного лучше. — Снег сильный, довольно холодно.

Но И Чжэ по-прежнему не двигался.

Сюй Танчэнь снова подтолкнул его, и И Чжэ, наконец, положил руку на дверцу машины. Но быстро убрал.

— Танчэнь-гэ.

Парень сделал вдох и снова выдохнул. Затем повернул голову и окликнул его.

— Хмм?

Сюй Танчэнь выдавил из себя ответный звук, который был довольно гнусавым.

— Я должен сказать тебе две вещи.

Сюй Танчэнь услышал его и бессознательно крепче сжал руль. В этот момент он понял, что на самом деле очень боялся, что И Чжэ раскроет все свои карты. Он также понял, что совсем не готов к этому. Он не хотел причинять боль И Чжэ, но не мог пойти на этот шаг и принять намерения друга. Кроме как притворяться невежественным и делать вид, что ничего не произошло, у него не было другой идеи.

Но события неудавшегося ужина этим вечером показали, что это подлый способ действовать.

Он не мог по-настоящему быть таким, каким был в прошлом. Даже если притворялся невежественным, мысли, которые он не мог контролировать, всегда будут колоть и ранить это сердце, полное искренности.

Казалось, что ветер и снег способны проникнуть в окна автомобиля и нарушить хрупкое равновесие.

— Танчэнь-гэ. — И Чжэ не стал дожидаться, пока он что-нибудь скажет. Сосредоточенный только на себе, он произнес слова, которые долго готовил. — Если я сделал что-то не так в прошлом, я надеюсь... ты можешь простить меня.

Он опустил голову, теребя рукав.

— В прошлом я был не очень благоразумен. Мне жаль, — продолжил он и посмотрел на Сюй Танчэня. В его глазах было спокойствие, и он даже улыбнулся. — Я перестану делать это в будущем. Обещаю.

И Чжэ продолжал думать, что, возможно, Чжэн Икунь был прав. Вести себя так, как будто ничего не произошло, притворяться, что все хорошо — в большинстве случаев это был бы самый подходящий способ решить проблему. Таким образом, ни одному из них не пришлось раскрывать эти обжигающие эмоции, а затем соскребать их по круплицам. Если бы он был

немного более бесстыдным, то мог бы продолжать оставаться рядом с Сюй Танчэнем, пользуясь тем, насколько тот мягкосердечен, и тайно требовать от него частичку тепла, которое он хотел. Но И Чжэ не искал никаких фальшивых предлогов для отношений между ними. Даже если Сюй Танчэнь отнесется к нему лишь с десятой долей доброты, которую он проявлял в прошлом, после того, как он закончил свои слова, он надеялся, что эта часть будет отдана ему честно и без сожалений.

Если бы им пришлось разыгрывать спектакль друг перед другом, он боялся, что никогда не испытает того, что было настоящим, до конца своей жизни.

Однажды он поклялся всегда оставаться рядом с ним, он имел это в виду не только в буквальном смысле. Не было необходимости говорить о том, что их разделяют горы и моря; даже если бы между ними была завеса, он все равно проделал бы в ней дыру и все было бы четко определено между ними.

<http://bllate.org/book/13101/1158705>